

Женщины в промышленном производстве БССР (1920-е гг.)

Дулов А.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Вовлечение в общественное производство советская власть считала важным моментом на пути к эмансипации женщин, однако в 1920-х гг. на этом направлении большевики столкнулись с существенными трудностями.

Цель статьи – проследить эволюцию характера и специфики женского труда в промышленном секторе экономики БССР в 1920-х гг.

Материал и методы. Источниковедческую базу работы составили материалы фондов Национального архива Республики Беларусь, государственных архивов Витебской и Минской областей, Витебского областного краеведческого музея, а также опубликованные источники.

Теоретико-методологической основой исследования послужил гендерный подход в комплексе с основными принципами исторического познания: историзма, объективности, системности. Были использованы общелогические и специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. В период нэпа не произошло серьезных изменений в структуре женской занятости в промышленном производстве БССР. Достаточно высок был уровень женской безработицы. Труд женщин оставался малоквалифицированным и низкооплачиваемым. С началом индустриализации женские трудовые ресурсы стали рассматривать как важнейший резерв рабочих кадров, в связи с чем началось вовлечение женщин в промышленность, был дан толчок развитию детских учреждений. Осуществлялась специальная политика государства по выдвигению женщин в хозяйственный и профсоюзный активы, зачислению их на основе выделенных квот в профессиональные учебные заведения.

Заключение. До конца 1920-х гг. советская власть не имела возможности осуществить массовое вовлечение женщин в производство. В годы нэпа в промышленности БССР существовала как горизонтальная, так и вертикальная гендерная сегрегация. Протекционистская политика руководства республики способствовала преодолению субъективного недоверия к возможностям женщин выполнять сложную работу и стимулировала их продвижение по квалификационно-производственной лестнице, занятие административных должностей. В то же время массовое вовлечение женщин в промышленность с конца 1920-х гг. повлекло за собой усиление «двойной занятости» женщин: в общественном производстве и по обслуживанию собственных семей.

Ключевые слова: нэп, индустриализация, женщины, работницы, промышленное производство, занятость, квалификация, выдвигенки, профсоюзы.

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 38–45)

Women in the BSSR Industrial Manufacture (the 1920-s)

Dulov A.N.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The Soviet power considered involvement into public manufacture to be an important element of women emancipation. However in the 1920-s Bolsheviks encountered significant hardships in this sphere.

The purpose of the article is to trace the evolution of the character and the specificity of the woman’s labor in the BSSR economy industrial sector in the 1920-s.

Material and methods. The research source base is made up by materials from the National Archive of the Republic of Belarus funds, the State Archives of Vitebsk and Minsk Regions, Vitebsk Region Museum of Local Lore as well as by published sources.

The gender approach combined with basic principles of historical cognition, historicism, objectivity and system, became the theoretical and methodological research base. General logical as well as special historical methods were used.

Findings and their discussion. During the New Economic Policy no serious changes in the structure of women’s involvement into industrial manufacture in the BSSR took place. The level of women’s unemployment was rather high. Women’s labor was low qualified and badly paid. With the beginning of Industrialization women’s labor resources were considered to be

the most important reserve of labor force and women's employment in industry started. Child care establishments developed. The state policy of women becoming business and trade union leaders was carried out. They were admitted to professional educational establishments.

Conclusion. *Before the 1920-s the Soviet power could not employ women in industry on a wide scale. During the New Economic Policy in the BSSR industry there was both horizontal and vertical gender segregation. The protection policy of the Republic leadership facilitated overcoming the subjective disbelief in women's abilities to perform complicated work; it stimulated their qualification promotion and taking administrative positions. At the same time wide scale involvement of women in industry since the 1920s resulted in the increase of the "double employment of women" both in the public manufacture and their household work.*

Key words: *the New Economic Policy, industrialization, women, women-workers, industrial manufacture, employment, qualification, promoted women, trade unions.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 38–45)

Теоретики марксистского феминизма видели путь к решению женского вопроса не столько в расширении политических прав женщин, сколько во включении их в общественное производство через создание государственной системы воспитания детей и бытового обслуживания. Однако в 1920-х гг. темпы и характер вовлечения женщин в промышленный сектор экономики определялись, главным образом, социально-экономическими условиями и общим контекстом государственной экономической политики. Отдельные аспекты проблемы женской занятости в промышленности БССР периода нэпа и начального этапа индустриализации становились предметом рассмотрения в советской (Т.Г. Бобкова, М.Г. Дюбакова, Е.Н. Захватаева и др.) и постсоветской (А.Н. Дулов, И.Р. Чикалова, Г.Н. Яковлева) отечественной историографии. Тем не менее представляется актуальным и значимым осуществление системного анализа проблемы с современных теоретико-методологических позиций, поскольку исторический опыт советской власти по вовлечению женщин в промышленное производство может быть востребован в контексте реализуемой в Республике Беларусь политики гендерного равенства, стратегической целью которой является расширение возможностей участия и самореализации женщин во всех сферах жизнедеятельности социума.

Цель статьи – проследить эволюцию характера и специфики женского труда в промышленном секторе экономики БССР в 1920-х гг.

Материал и методы. Источниками послужили нормативные акты, документы Национального архива Республики Беларусь, государственных архивов Витебской и Минской областей, воспоминания из фондов Витебского областного краеведческого музея, статистические материалы, а также периодическая печать.

Историческая реконструкция осуществлялась с позиций гендерного подхода на основе ключевых принципов исторического познания: историзма, объективности, системности. Применялись общелогические (анализ и синтез, индукция и дедукция) и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный) методы.

Результаты и их обсуждение. Во время Первой мировой войны в мире наблюдался рост удельного веса женщин в промышленном производстве. Приток женщин в промышленность продолжился в 1920-х гг. в связи с процессами стандартизации и унификации производства. С некоторыми оговорками можно утверждать, что схожие тенденции наблюдались и в Белоруссии. Правда, в начальный период нэпа часть женщин была вытеснена из промышленности в связи с возвращением из армии мужчин. К тому же, несмотря на то, что вовлечение в общественное производство считалось большевиками важным моментом на пути к эмансипации женщин, в условиях нэпа эти процессы не могли стать массовыми. Только в середине – второй половине 1920-х гг. намечился незначительный рост удельного веса работниц. На 1 июля 1925 г. в ценовой промышленности республики было задействовано 13754 рабочих, в том числе 3349 (или 24,3%) женщин. К 1 января 1927 г. женщины составили в ценовой промышленности БССР 28,7% от общего числа рабочих [1, с. 39]. До 1928 г. использование женского труда в основном ограничивалось чулочно-трикотажной (на 1 октября 1927 г. работницы составляли в отрасли 82,5%), очковой (74,4%) и льнопрядильной (70,1%) промышленностью [2, с. 36]. Значительное количество женщин было занято в швейной и текстильной промышленности.

При этом остро стояла проблема безработицы, имевшей тенденции к росту. Если в январе 1925 г. женщины составляли 33% от количества безработных, то в сентябре 1926 г. – уже 44% [1, с. 40]. В крупных городах удельный вес женской безработицы осенью 1926 г. был еще выше и достигал 52% в Минске и 54% в Витебске. Хотя уровни женской и мужской безработицы были сопоставимы, необходимо учитывать, что нередко сокращали беременных женщин и матерей-одиночек. К тому же большинство безработных женщин имели низкую квалификацию или не имели никакой специальности, что мешало им найти работу [3, д. 420, л. 8]. Биржи труда организовывали трудовые коллективы для безработных – портных, парикмахеров, шапочников и т.п. [1, с. 40]. Однако и в них преобладали мужчины: на 1 августа 1925 г.

в трудколлективах г. Минска было занято 2167 человек, из них только 546 женщин; на 1 ноября 1925 г. – 1670 человек, в том числе 432 женщины [4, д. 89, л. 36, 38]. Безработные женщины оставались без заработка, но не без работы в строгом смысле этого слова. Они продолжали заниматься домашним хозяйством. Мужья, даже и оставшись без работы, редко оказывали помощь женам в домашних делах.

Неблагоприятный гендерный баланс трудовых ресурсов побудил руководство республики уже в середине 1924 г. обратить особое внимание на положение женщин в промышленности. При Наркомате труда БССР была создана центральная комиссия по охране труда женщин. В числе возлагавшихся на комиссию задач были изучение состояния женской безработицы и выработка мероприятий для борьбы с ней, улучшение условий труда работниц, контроль над выдвижением их на более квалифицированные работы. В состав комиссии вошли представители Центрального Совета профессиональных союзов Белоруссии (ЦСПСБ), Женотдела ЦК КП(б)Б, Высшего совета народного хозяйства Белоруссии (ВСНХБ), Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), комсомола и Главного управления профессионального образования. Поскольку названными организациями было затянута выделение представителей в комиссию, ее работа началась практически только в первой половине 1925 г. [5].

Несмотря на предпринимаемые по охране женского труда меры, условия на предприятиях на протяжении 1920-х гг. сплошь и рядом оставались неблагоприятными, а нормы трудового законодательства нарушались. Как показало проведенное зимой 1929 г. обследование на витебской льнопрядильной фабрике «Двина», в цехах был тяжелый воздух и много пыли, так как вентиляция в них работала плохо или отсутствовала [6, д. 156, л. 16]. С серьезными проблемами сталкивались беременные женщины и кормящие матери. На многих предприятиях БССР они работали в ночные смены, причем сами не возражали против этого, т.к. ночной труд оплачивался выше. В некоторых случаях женщины, ушедшие в декретный отпуск, не

попадали на свою прежнюю работу и переводились на менее квалифицированный труд [6, д. 171, л. 52]. Имелись случаи увольнения беременных работниц [6, д. 156, л. 15 об.]. Кормящим матерям на предприятиях предоставлялся получасовой перерыв для кормления. Однако этого времени было недостаточно, чтобы сходить домой. Поэтому работницы, имеющие право на перерыв, использовали его по своему пониманию. Они приходили на работу на полчаса позже или уходили раньше, что вызывало недовольство администрации [6, д. 171, л. 52]. В обход законодательства беременные женщины могли подвергаться дискриминации при приеме на работу. На отдельных предприятиях республики при наборе новых работниц практиковалось медицинское освидетельствование, целью которого было не допустить приема беременных женщин [6, д. 171, л. 52 об.].

Уровень оплаты женского труда был ниже. Отчасти это объяснялось более низкой квалификацией женщин-работниц по сравнению с мужчинами, работавшими на одних с ними предприятиях. Причем уровень женской квалификации был ниже даже в отраслях, где труд женщин преобладал или применялся наравне с мужским. Так, в текстильной отрасли средний разряд мужчин на 1925 г. был 6,1. Средний же разряд женщин – 4,7. В швейной промышленности – 8,1 и 6,3, в химической – 6,2 и 3,5 соответственно [7, с. 222]. В бумажной промышленности на 1925 г. женщины по уровню квалификации распределялись следующим образом: высококвалифицированные – 4%, со средней квалификацией – 21%, с низкой квалификацией – 32%, не квалифицированные – 28% [7, с. 222]. По 6 разряду, который был высшим в отрасли, тарифицировалось только 2% работниц. Соответственно, работницы в массе получали меньшую заработную плату.

На протяжении 1920-х гг. очень часто женщины получали меньшую зарплату, даже имея одинаковые с мужчинами разряды. Например, на швейной фабрике «Профинтерн» к началу 1929 г. средний фактический заработок мужчин 3 разряда, занимавшихся пошивом мужских зимних пальто, составлял в день

Таблица

Заработная плата рабочих швейной фабрики «Профинтерн» (г. Витебск) в первом квартале 1929 г.

Наименование работы	Разряд	Средний фактический заработок в день		
		Муж.	Жен.	% разницы
Пальто мужское зимнее	3	4 руб. 13 коп.	3 руб. 34 коп.	19
Пальто мужское осеннее	3	5 руб. 15 коп.	4 руб. 24 коп.	18
Пиджачный костюм	3	4 руб. 30 коп.	3 руб. 63 коп.	16
Брюки	4	6 руб. 09 коп.	5 руб. 23 коп.	14
Пальто дамское зимнее	4	7 руб. 05 коп.	6 руб. 43 коп.	9

Источник: 22, д. 171, л. 52.

4 руб. 13 коп., а заработок женщин того же разряда – 3 руб. 34 коп. Зарплата рабочих 4 разряда на пошиве брюк была 6 руб. 9 коп., а работниц – 5 руб. 23 коп. (табл.).

К тому же уровень заработной платы работниц мог существенно варьироваться в зависимости от предприятия. В частности, на 1 октября 1928 г. средний дневной заработок работниц составлял на витебской фабрике «Двина» 1 руб. 82 коп., на очковой фабрике 2 руб. 77 коп., на фабрике «Профинтерн» 5 руб. 20 коп. [6, д. 156, л. 15 об.]. В результате зарплата работниц мотального цеха фабрики «Двина», со всеми вычетами, составляла от 3 до 5 руб., в редких случаях до 10 руб. за две недели. Многие работницы находились в затруднительном материальном положении. Как отмечала одна из них на общегородской конференции, выступая по поводу содержания детей в детском саду, «работница не может доплачивать 1 руб. на улучшение питания ребят, она мало получает» [6, д. 156, л. 16]. Зафиксированы случаи, когда работницы «Двины» занимались проституцией. Работница мотального цеха Н. почти открыто заявила инспектору по женскому труду, что приходится «прирабатывать», так как заработка на жизнь семьи не хватает [6, д. 156, л. 17 об.].

С середины 1920-х гг. протекционистская политика КП(б)Б стимулировала выдвижение женщин на более квалифицированную работу. Подготовка к переводу на нее велась, главным образом, в цехах, где преобладал женский труд. Подбором кандидатур для выдвижения занимались представители администрации, и часто все зависело от мнения мастера, а они во многих случаях противодействовали выдвижению женщин. Работницы были недовольны таким положением и отмечали, что в результате многие женщины, которые могли бы успешно справиться с новыми обязанностями, не состоят на учете для выдвижения, в то время как отдельные выдвиженки себя не оправдывают [6, д. 171, л. 51 об.]. Часто недоброжелательно относилось к выдвиженкам руководство предприятий, которое не оказывало им помощи в работе и стремилось заменить мужчинами [6, д. 46, л. 322].

На отдельных предприятиях допускались случаи перевода работниц на малоквалифицированные и неквалифицированные операции. Так, на витебской очковой фабрике после механизации шлифовального цеха отправили на мойку стекол старых опытных работниц, заменив их мужчинами [6, д. 171, л. 51 об.]. Сами женщины не всегда стремились перейти на работы, связанные с выполнением более квалифицированных операций, поскольку переход на новую работу означал временное снижение заработка. К тому же в случае сокращения под него попадала выдвиженка как пришедшая последней по счету. К концу 1920-х гг. нежелание переходить на более квалифицированную работу как массовое явление уже не замечалось, хотя отдельные случаи отказа от выдвижения все еще имели место [6, д. 171, л. 52].

Тем не менее субъективное недоверие к возможностям женщин выполнять квалифицированную работу преодолевалось, грани между мужскими и женскими профессиями стирались, и женщины во все возрастающем количестве продвигались по квалификационно-производственной лестнице, сначала вследствие директивных требований партийных органов, а затем и в силу собственных способностей. В частности, секретариат ЦК КП(б)Б, решением от 10 августа 1927 г. предписал «продолжать в дальнейшем взятый курс на постепенное увеличение женской рабочей силы в производстве, а наравне с этим усилить работу по продвижению работниц на более квалифицированные работы и по внедрению женского труда в те роды производства, где он раньше не применялся, но может быть применен» [6, д. 111, л. 68]. Если на стеклозаводе им. Домбаля в 1927 г. выдвинули 34 работницы, то в 1928 г. – 63 [7, с. 222]. На минской обувной фабрике в 1930 г. перевели на более квалифицированную работу 128 работниц [8].

Наряду с осознанно позитивным подходом к выдвижению женщин во многих случаях имел место и иной, бюрократический, когда назначения работниц диктовались не интересами дела, а партийной дисциплиной: следовало выполнять директивы по выдвижению рабочих и работниц «от станка». Формальное отношение подчас дискредитировало важное в плане преодоления гендерной дискриминации начинание. Назначенная на должность помощника директора гомельской фабрики «Везувий» рабочая с 23-летним стажем написала в журнал «Беларуская работніца і сялянка»: «Работа для мяне незнаёмая. Па агульнай адукацыі я малапісьменна, а дапамогі ад кіраўнікоў няма. А калі просіш дапамогі, часам чуеш такі адказ: “За вас працаваць ня будзем, трэба самой разумець”» [9, с. 14].

В период нэпа средства, выделявшиеся на социальную сферу, были ограничены, что сдерживало распространение учреждений общественного воспитания и охраны материнства и детства. В 1924 г. на территории укрупненной БССР имелось в городах всего 7 яслей. Попытки расширения их сети были робкими, и городские ясли не могли поместить даже малую часть детей работниц: в 1926 г. в БССР число яслей достигло 19 на 620 мест [10, с. 42, 44]. В таком городе, как Бобруйск, единственные ясли имели только 30 мест [11]. Естественно, прием в ясли был избирателен: преимущество предоставлялось детям активисток и работниц, занятых учебой.

Невысокие объемы и темпы роста ясельной и дошкольной сети были обусловлены причинами объективного и субъективного характера. В городах лишь 7–8% воспитателей имели высшее образование, большая часть была представлена неквалифицированными работниками, подготовленными на двухмесячных курсах. Государство отпускало крайне мало средств: в 1927 г. бюджетные средства предусматривались на содержание в летний период 175 яслей и 186 площадок. На содержание каждой из последних выделяли только по 200 руб., которых еле хватало на оплату работника и самые минимальные расходы [12]. 4 апреля 1928 г. СНК СССР принял

решение об отчислении на ясли 0,25% из фонда зарплаты и от 5 до 10% из фонда улучшения быта рабочих, но эти отчисления производились нерегулярно и не в полном объеме [13, с. 2]. В целом на указанном направлении в 1920-х гг. успехи были относительны, но закладывали основы расширения в будущем сети дошкольных учреждений и тем самым создания реальных возможностей для массового использования женских трудовых ресурсов.

По первому пятилетнему плану развития народного хозяйства республики, рассмотренному XII съездом КП(б)Б и принятому в мае 1929 г. IX съездом Советов БССР, намечалось построить около 200 новых фабрик и заводов, технически перевооружить старые предприятия. Индустриализация потребовала огромного количества рабочих рук, дефицит которых стал очевидным. В связи с этим пятилетний план был ориентирован на максимальное использование женской рабочей силы. Планировалось привлечь в промышленность 30 тыс. новых рабочих, в том числе 16 тыс. женщин [14, с. 63]. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» предложило исходить из необходимости «увеличения применения женского труда в тяжелой индустрии, особенно в механических цехах и машиностроении и в тех отраслях промышленности, где женский труд применяется недостаточно, но где он себя вполне оправдывает (деревообделочная, кожевенная и т.д.)», «максимального заполнения женским трудом швейной, бумажной, пищевкусовой, текстильной, химической промышленности», «максимального расширения применения женского труда в торговом и советском аппаратах и на транспорте (кондуктора, вожатые, шоферы и т.д.)» [15, с. 273]. В связи с новыми задачами началось массовое вовлечение женщин в производство.

Важным каналом формирования кадров индустриального производства стали учебные заведения профтехобразования, в которые был обеспечен плановый прием женщин. На 1927/28 учебный год квоты для девушек при наборе в профтехшколы и школы фабрично-заводского ученичества составили: в школы металлистов и деревообделочников – 15%, кожевников – 30%, строителей – 10%, швейников – 60%, печатников – 35% [16, с. 156]. Запланированные задания в основном выполнялись, что позволило выпускницам в значительной степени пополнить рабочие коллективы.

Но у девушек, приходивших учиться в профтехшколы и ФЗУ по специальностям, несмотря на несомненное желание освоить сложные профессии, традиционно считавшиеся мужскими, возникали определенные трудности. Материалы обследования положения женщин в учебных заведениях, проведенного минским женотделом в начале 1930 г., свидетельствовали, что заведующий и некоторые инструкторы объединенной профтехшколы Минска сомневались в необходимости приема девушек в металло- и деревообрабатывающие цеха. Среди самих девушек было распространено убеждение, что они не могут работать наравне с парнями из-за природных особенностей и склонностей.

Равные нормы выработки в столярном и токарном отделениях воспринимались девушками как тяжелые. Если отношение парней к девушкам в объединенной профтехшколе было доброжелательным, то в Минском ФЗУ железнодорожников девушки подвергались дискриминации со стороны учащихся парней, которые часто мешали работать [17, д. 1149, л. 97, 98].

Жизнь учениц на рубеже 1920–1930-х гг. была нелегкой. Те же данные обследования минских учебных заведений свидетельствуют, что стипендия девушек в объединенной профтехшколе составляла от 9 до 18 руб., чего было недостаточно: ученицы питались один, редко два раза в день [17, д. 1149, л. 97]. О.Г. Дедова, окончившая училище при фабрике им. Клары Цеткин в г. Витебске, описывает в своих воспоминаниях этот период жизни. Срок учебы в ФЗУ составлял 2 года. Ученицы должны были получить образование в объеме семи классов и освоить все виды фабричного оборудования. Девушки находились в тяжелых бытовых условиях: в одной большой холодной комнате жили 18 учениц. Стипендия была мизерной, в условиях карточной системы катастрофически не хватало питания. Но и сами ученицы не всегда серьезно относились к учебе: «Было много детства, иногда не было желания как следует подготовить уроки и поработать». Случаи выпуска бракованной продукции и поломок машины во время ученичества работница склонна объяснять легкомысленным отношением к учебе: «не понимала, что значит оборудование и сырье, сколько это стоит производству» [18].

Несмотря на определенные издержки, только в 1928/29 и 1929/30 учебных годах профтехшколы и школы ФЗУ подготовили 12014 рабочих, в числе которых было 4333 (или 36%) женщин [16, с. 158]. Молодые работницы, получившие в системе профтехобразования необходимые профессиональные навыки, могли сразу включиться в производственный процесс, и в этом было преимущество обучения в стационарных учебных заведениях.

Но комплектование кадров промышленности велось и по линии оргнабора женщин из различных социальных групп: семей рабочих, служащих, ремесленников, крестьян. По состоянию на февраль 1930 г. 34,9% работниц имели возраст от 20 до 24 лет [19, с. XI]. Соответственно и производственный опыт преобладавшей части работниц в рассматриваемое время был небольшим. На февраль 1930 г. только 23,3% работниц цензовой промышленности имели стаж более 10 лет, а значительная часть, 31,6%, – до 2 лет. Еще более впечатляющую картину представляют данные о времени поступления на последнее предприятие. Из общего числа работниц 6,1% были зачислены в 1926 г., 8,5% в 1927 г., 14,6% в 1928 г. и 38,7% в 1929 и в начале 1930 г. [19, с. XXXII, XXXIV]. Развивающаяся промышленность втягивала женскую молодежь, давала работу, перспективу, но требовала прохождения периода психологической адаптации.

Массовое в короткий срок вовлечение женщин в промышленное производство имело те последствия, что, во-первых, женские трудовые ресурсы стали важнейшим резервом рабочих кадров и, во-вторых, заводы и фабрики оказались насыщенными малоквалифицированными и полностью неквалифицированными кадрами. В 1930/31 гг. на швейной фабрике «Октябрь» из 1014 работниц 906 (89,3%) имели 1–4 разряды, 13 – 6-й и только 1 – высший 7-й. На гомельской спичечной фабрике «Везувий» из 223 женщин 20 работали по 1-му разряду, 200 – по 2-му, 3 – по 3-му, и не было ни одной с более высоким разрядом. На гомельском механическом заводе «Пролетарий» женщин впервые приняли на работу в 1924 г., но и в 1930 г. ни одна не имела квалифицированной работы: все были заняты в качестве чернорабочих [20]. В целом по республике из 15171 женщины, работавшей в ценовой промышленности (на февраль 1930 г.), только 38 являлись высококвалифицированными и 964 – квалифицированными работницами [19, с. XXXVIII]. Поскольку женщины, принятые по оргнабору, в своей массе не имели никакой квалификации, их обучали на долгосрочных и краткосрочных курсах, в том числе организованных существовавшим в те годы Центральным институтом труда. В 1928/29 и 1929/30 учебных годах на них прошли обучение 21520 рабочих, в том числе 8382 (38,9%) женщин [16, с. 158].

С началом индустриализации кампания выдвижения женщин-передовиков имела целью не только перемещение их на рабочие места с более сложными функциями, но и продвижение на административно-управленческие должности. Объективные перспективы для роста давало повышение образовательно-технического уровня. В 1932 г. в промышленности Советской Белоруссии число женщин в составе инженерно-технического персонала достигло 9,3% [16, с. 160]. Они являлись потенциальным резервом для выдвижения на управленческие должности среднего и высшего звена. Но их массового продвижения не произошло из-за отсутствия, прежде всего, подготовленных кандидатур соответствующего уровня. В 1929 г. лишь одна женщина стала директором предприятия. В основном женщинам доверялись низовые должности: заведующих цехами, мастеров и т.п. Однако и здесь количество выдвиженок не соответствовало удельному весу женщин в промышленной сфере. В 1929 г. работницы в составе промышленных рабочих составляли 36,6%, но в числе выдвиженцев их было только 13,2% [21]. Во многих случаях переход на руководящую работу оказался удачным. Работнице борисовской фабрики «Красная Березина» Лапицкой доверили руководство цехом, а упаковщицу минского дрожжево-винокурного завода «Красная заря» Беленькую в 1929 г. перевели на минскую конфетную фабрику «Прогресс», где она заняла должность заместителя директора [16, с. 160]. Не было нареканий на работу выдвиженок на витебских предприятиях «Двина» и чулочной фабрике. Всего в 1929 г. на руководящую хозяйственную работу (директора и заместители директоров, заведующие

производственными отделами, цехами и мастерскими, мастера и т.п.) были выдвинуты 24 и в 1930 г. – 298 работниц [16, с. 160].

В связи с ростом потребности в рабочих кадрах возникла необходимость в широком развитии системы дошкольных учреждений как условия вовлечения женщин в общественное производство. Значение учреждений общественного воспитания видели не только и не столько в возможности улучшить здоровье и воспитание детей, сколько дать женщинам возможность управиться с производственными и общественными делами, освободив на дневное время от заботы о детях. В этом аспекте развитие сети дошкольных учреждений рассматривалось как необходимый элемент производственной программы. С принятием пятилетнего плана установка на обслуживание дошкольными учреждениями детей работниц начала воплощаться более последовательно. Предусматривалось до конца пятилетки обеспечить всех детей работниц в городах консультациями; увеличить количество детских садов в окружных городах и промышленных центрах на 75% [22, с. 117]. Постановление ЦИК и СНК БССР «Аб узмацненні абслугоўвання дзяцей работніц прамысловых прадпрыемстваў яслямі і дашкольнымі ўстановамі» (май 1930 г.) определило категории промышленных предприятий и долю средств, которую они обязывались отчислять на содержание яслей и дошкольных учреждений [23]. Началась кампания открытия яслей при предприятиях, хотя это делалось не везде и не в нужном количестве. Отпущенные средства во многих случаях не использовались. В 1930 г. не реализовали ассигнования на строительство яслей витебская фабрика «Двина» – 90 тыс. рублей, могилевская фабрика искусственного шелка – 100 тыс. рублей [24]. Имелись случаи ликвидации уже работавших яслей. На фабрике «Знамя индустриализации» помещения яслей заняли парторганизация и фабком профсоюза [24, с. 15]. Даже в ВСНХБ и ЦСПСБ не находили отклика просьбы о выделении комнат для детей в заводских помещениях и клубах [14, с. 71–72, 79]. В 1930 г. в городах удалось довести число яслей до 48. Они были рассчитаны на 2500 мест, что обеспечивало потребность на 25%. Ясли работали в непригодных помещениях, только половина из них в 2–3 смены, а значит, работницы, занятые ночью, не могли ими пользоваться.

Для детей, вышедших из ясельного возраста, в городах при предприятиях открывались т.н. «детские очаги» для детей низкооплачиваемых работниц, детские сады, принимавшие детей работниц и служащих, а также сезонные детские площадки. Зимой последние закрывались из-за недостатка средств и помещений. В дошкольных учреждениях в сезоне 1929/30 гг. воспитывалось 47,9 тыс. детей (или 8,4%) соответствующего возраста. В последующие годы масштабы общественного воспитания расширились, хотя и не столь значительно. В 1930/1931 гг. при 700 тыс. детей соответствующего возраста дошкольные учреждения охватили 58 тыс. детей (или 8,3%) [14, с. 67, 77].

Работа на промышленных предприятиях способствовала коренному изменению восприятия женщинами социально-экономической и политической действительности вследствие того, что они становились объектом целенаправленного политико-идеологического воспитания, проводимого партийными и общественными организациями. В их ряду были женотделы с организуемыми ими делегатскими собраниями [25], комсомол, Красный Крест, Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Осоавиахим. Значительным охватом трудящихся отличались профессиональные союзы. Все эти структуры составляли сложную систему «приводных ремней», «передаточных связей» от партии к массам. Поэтому женщин стремились вовлечь в разнообразные добровольные общества и союзы. Но в то же время само участие в них выводило женщин за сферу только производственных интересов, втягивало в общественную жизнь, делая более или менее активными участниками социально-политических процессов.

Серьезное внимание к членству женщин в профессиональных организациях стали уделять в связи с решением состоявшегося летом 1924 г. V Всебелорусского съезда профсоюзов. Съезд констатировал, что отдельные профсоюзные организации, главным образом низовые, недооценивают работу с женщинами, и предложил силами всего профаппарата устранить этот недостаток [26, с. 7]. Вскоре после Всебелорусского съезда, 1 августа 1924 г., для координации действий в составе ЦСПСБ учредили должность межсоюзного организатора по работе среди женщин [6, д. 6, л. 57]. Женорганизаторов выделяли во всех центральных правлениях союзов, даже в тех, где имелось незначительное количество работниц. В таких случаях работу следовало вести среди жен рабочих. В большинстве случаев должности женорганизаторов заняли женщины. Лишь в профсоюзах металлистов, строителей и деревообделочников ими стали мужчины. Как правило, организаторы являлись членами центральных правлений союзов [6, д. 6, л. 57]. В соответствии с директивой ЦСПСБ от 2 августа 1924 г. организаторы по работе среди женщин были назначены и во всех окружных бюро профсоюзов. В результате образовалась вертикаль, осуществлявшая воспитание и защиту прав женщин-членов профсоюзов.

На 1 июля 1924 г. в профсоюзах БССР состояло 114276 членов, из них 25140 (или 21,9%) женщин [27, с. 184–185]. При этом на крупных предприятиях трудилось только 12,7% от общего числа работавших женщин, что затрудняло ведение среди них профсоюзной работы. Однако усиление внимания к работе с женщинами принесло плоды: уже в 1924 г. наметились тенденции как к росту их абсолютного числа в профсоюзах, так и к увеличению их количества в руководящих органах. На 1 октября 1926 г. количество женщин составило 39950 при общем количестве членов профсоюзов БССР в 170073 человека [28, с. 179]. Стремительный рост наметился в конце 1920-х гг. На октябрь 1929 г. женщины составили 29,6% от общего количества членов профсоюзов. В октябре 1930 г. работниц в профсоюзах было уже 37,4% [29, д. 2951, л. 43]. Продолжался рост числа женщин в центральных правлениях, некоторые изменения

происходили в руководящих профсоюзных органах окружного уровня. Наблюдался также рост количества женщин в фабзавместкомах. Если в 1926 г. женщин-членов в них было 1100, то в 1927 г. – уже 1500 [30, с. 8]. Выдвижение женщин на руководящую работу способствовало ломке гендерных стереотипов. Как писала межсоюзный организатор г. Витебска Карпова, «работница от станка на посту председателя фабкома успешно справляется со всей текущей профработой на предприятии, умело руководит общими собраниями рабочих, плодотворно участвует в заключении колдоговоров, пользуясь среди рабочих и у администрации надлежащим авторитетом» [31].

Однако среди председателей и секретарей, освобожденных для постоянной работы в фабзавместкомах, подавляющее большинство составляли мужчины: в 1926 г. на 300 мужчин приходилось 37 женщин, в 1927 г. на 450 мужчин – 54 женщины. Эта закономерность прослеживалась даже в профсоюзах с преобладающим или значительным количеством женщин. В союзе текстильщиков, в котором женщины-члены профсоюза составляли 65%, освобожденной профсоюзной работой занимались 7 чел., из них только 3 женщины. В союзе бумажников на оплачиваемой руководящей работе не было ни одной женщины, тогда как женщин-членов профсоюза было 26% [30, с. 8]. Число платных ответственных работников-женщин выросло только в центральных правлениях союзов: с 4,3% в 1927 г. до 11,6% в 1928 г. [6, д. 171, л. 65]. При этом на высшие руководящие должности в значительном числе случаев назначались не работницы-выдвиженки, а переброшенные с другой работы представительницы номенклатуры [30, с. 9]. Приоритет при выдвижении на руководящую профсоюзную работу отдавался коммунисткам [29, д. 2624, л. 20]. В то же время во многих случаях пассивную оппозицию директивам центра относительно выдвижения работниц составляло местное профсоюзное руководство. Нередко выдвижению кандидатур женщин в фабзавком препятствовали рабочие [29, д. 2624, л. 12 об.].

Подготовка женского профсоюзного актива в 1920-х гг. велась через профкружки и на курсах работниц по изучению профдвижения. Курсы должны были обеспечить женщин теоретическими знаниями для дальнейшей практической работы. Трехмесячные курсы были организованы в конце 1924 г. культотделом ЦСПСБ в Минске, а также в окружных центрах: городах Витебске, Орше, Могилеве, Бобруйске. Занятия на курсах проходили по вечерам, от одного до трех раз в неделю, по специально разработанной программе, включавшей изучение Конституции СССР, рабочего законодательства, тарифно-экономической и организационной работы [31, с. 17; 32]. В середине 1920-х гг. женский профактив на предприятиях БССР составлял от 5 до 42%, однако он слабо привлекался к практической работе [6, д. 102, л. 16]. Во второй половине 1920-х гг. работа среди женщин в ряде союзов вообще начала свертываться. Это мотивировалось утверждениями о том, что работницы уже не отстают от общей массы членов союза и, следовательно, никакой работы среди них вести не нужно [30, с. 8].

В 1920-е гг. профсоюзные активистки принимали участие в сборе взносов, обсуждении текущих производственных планов и программ, в распределении фондов материального обеспечения рабочих и служащих, в том числе выделения средств на создание учреждений охраны материнства и младенчества, вели массовую культурно-просветительскую работу. Начиная с конца 1920-х гг. к этому добавились деятельность по развитию ударничества и соцсоревнования, движение за снижение себестоимости продукции, рационализацию производства.

Заключение. Таким образом, до конца 1920-х гг. советская власть не имела возможности осуществить массовое вовлечение женщин в производство. В годы нэпа в промышленности БССР существовала как горизонтальная, так и вертикальная гендерная сегрегация: с одной стороны, работницы были сконцентрированы в традиционно феминизированных отраслях легкой промышленности, с другой – женский труд оставался в основном малоквалифицированным и низкооплачиваемым. Достаточно высок был уровень женской безработицы. С началом индустриализации женские трудовые ресурсы стали рассматривать как важнейший резерв рабочих кадров, в связи с чем началось планомерное вовлечение женщин в промышленность.

Рост потребности в женских рабочих кадрах усилил необходимость создания системы дошкольных учреждений как условия прихода женщин на предприятия. В этом аспекте развитие их сети рассматривалось как необходимый элемент производственной программы. Массовый приток женщин в промышленное производство привел к насыщению предприятий малоквалифицированными и неквалифицированными кадрами. Для решения этой проблемы были предусмотрены квоты для девушек при наборе в профессиональные учебные заведения, организовывалось обучение на специальных курсах.

С середины 1920-х гг. протекционистская политика руководства республики способствовала преодолению субъективного недоверия к возможностям женщин выполнять сложную работу и стимулировала их продвижение по квалификационно-производственной лестнице. Кампания выдвижения женщин-передовиков имела целью не только перемещение их на рабочие места с более сложными функциями, но и выдвижение на административно-управленческие должности и в профсоюзный актив. Объективные перспективы для роста давало повышение образовательно-технического уровня. В то же время работа вне дома повлекла за собой усиление «двойной занятости» женщин: в общественном производстве и по обслуживанию собственных семей.

Литература

1. Дулов, А.Н. Занятость в экономике Советской Беларуси в 1920–1930-е гг.: гендерный анализ / А.Н. Дулов // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2003. – № 4. – С. 39–44.
2. Промышленность БССР: Итоги и перспективы. – Минск: Изд-во ВСНХ БССР, 1928. – 372 с.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 10051-п. Оп. 1.
4. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 6. Оп. 1.
5. Ерофеев, С. Изучение женского труда / С. Ерофеев // Профессиональное движение Белоруссии. – 1925. – № 6. – С. 14.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. Оп. 9.
7. Дулов, А.Н. Феминизация занятости в промышленном производстве БССР (1920-е гг.) / А.Н. Дулов // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность: материалы междунар. науч. конф., Витебск, 11–12 нояб. 2008 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2008. – С. 221–223.
8. Асаёнак. Дабіліся пералому ў справе перакваліфікацыі работніц / Асаёнак // Беларуская работніца і сялянка. – 1931. – № 11. – С. 1.
9. Ан-ская. Вучобу і вылучэнне працоўных жанчын – на цвёрдыя рэйкі / Ан-ская // Беларуская работніца і сялянка. – 1930. – № 5–6. – С. 14–15.
10. Вовшина, А.М. Ясли и детские консультации в БССР / А.М. Вовшина, Л.Г. Сироткина // Медицинский журнал БССР. – 1938. – № 3. – С. 41–51.
11. Флоранская. Сеть яслей растет (Бобруйск) / Флоранская // Беларуская работніца і сялянка. – 1927. – № 3. – С. 17.
12. Граеўская. Падрыхтоўка ясельнай кампаніі / Граеўская // Беларуская работніца і сялянка. – 1927. – № 4. – С. 21.
13. Артюхина. Мобілізуйтесь на выкананне рашэнняў ЦК / Артюхина // Беларуская работніца і сялянка. – 1929. – № 15. – С. 1–2.
14. Матэрыялы Першай Усебеларускай нарады камітэтаў па палешаньню працы і быту работніц і сялян. – Мінск: БДВ, 1931. – 114, [2] с.
15. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 4: 1926–1929. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1984. – 575 с.
16. Дюбакова, М.Г. Борьба Компартии Белоруссии за вовлечение женщин республики в строительство социалистической промышленности (1926–1932 гг.) / М.Г. Дюбакова // Труды Белорусской сельскохозяйственной академии. – Т. XXXIII. – С. 144–173.
17. ГАМн. – Ф. 12-п. Оп. 1.
18. Воспоминания Дедовой О.Г. Рукопись // Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ), № н/в 7718/5.
19. Рабочья прэзаваі прамысловасці БССР. – Мінск: Дзяржплан БССР, 1930. – XLVI, 72, [2] с.
20. Е. Дабіцца пералому ў справе ўкаранення жаночай працы ў металапрамысловасці Гомельшчыны / Е. // Работніца і калгасніца Беларусі. – 1931. – № 35. – С. 6.
21. Шапіра, М. Узмацніць працу па вылучэнню работніц / М. Шапіра // Беларуская работніца і сялянка. – 1930. – № 15. – С. 8.
22. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Т. 2: 1928–1932. – Минск: Беларусь, 1984. – 511 с.
23. Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду БССР. – 1930. – № 22. – Паст. 150.
24. Актыўнікі савецкага будаўніцтва (Нарада жанчын-сябраў ЦК па пытанню масавай працы саветаў і быту) // Работніца і калгасніца Беларусі. – 1932. – № 1. – С. 15.
25. Дулов, А.Н. Делегатские собрания как средство политической социализации женщин Советской Белоруссии (1920-е – начало 1930-х гг.) / А.Н. Дулов // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – 2009. – Т. 8. – С. 19–30.
26. Танаевцева, Н. Пятый съезд профсоюзов о работнице / Н. Танаевцева // Профессиональное движение Белоруссии. – 1925. – № 20. – С. 7.
27. Статыстычны штогоднік: 1924–1925. – Вып. 1. – Мінск: ЦСУ БССР, 1926. – 350 с.
28. Статыстычны штогоднік: 1925–1926. – Мінск: ЦСУ БССР, 1928. – 527 с.
29. НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1.
30. Сулькина. Нужна ли работа среди работниц? / Сулькина // Прафесіянальны рух Беларусі. – 1928. – № 2. – С. 8–9.
31. Карпова. Женщины на профработе / Карпова // Профессиональное движение Белоруссии. – 1925. – № 4. – С. 17.
32. С.К. Работница идет вперед: об образовании профработниц-активисток / С.К. // Профессиональное движение Белоруссии. – 1925. – № 6. – С. 20.

Поступила в редакцию 08.06.2020